

Серебряный век: русские судьбы

Ирина Одоевцева
[1895 - 1990]

120 лет со дня
рождения

*Это было, это было в те года,
От которых не осталось и следа.
Это было, это было в той стране,
О которой не загрезишь и во сне...*
Николай Гумилев <1919>

На исходе «серебряного века» русской поэзии начался новый взлет. К этому времени окончательно сформировалась эстетика акмеизма: верность детали, точность, изящество, близость к поэтике XIX столетия – все то, что сегодня получило название Петербургской школы.

Ирина Одоевцева – свидетель той блестящей эпохи. Она участница совместного рукописного альманаха Гумилева, Георгия Иванова, Мандельштама. Ей посчастливилось взглянуть на свою молодость из дали времен, вернуть второе дыхание голосам, давно умолкшим, оживить прошлое. Бывает так, что у писателя, принадлежащего к определенному литературному кругу, есть ещё одна высокая миссия – вестника и летописца. Ирина Одоевцева – летописец, вестник об акмеизме и о целом затонувшем материке литературной Атлантиды.

Биография самой Ирины Одоевцевой полна загадок.

Она родилась в Риге, в семье адвоката Густава Гейнике, поэтому звали писательницу от рождения иначе: Ираида Густавовна Гейнике.

Впоследствии она взяла в качестве псевдонима имя матери и стала Ириной Владимировной Одоевцевой. День и месяц рождения по разным сведениям: 25 июня, 27 июля и даже 2 ноября. Но когда весной 1987 года писательница вернулась в СССР, в документах ее литературный псевдоним стал зафиксированным именем и дата и место рождения проставлены такие: 27 июля 1895 года.

Но особого значения для понимания творчества писательницы и поэтессы точная дата рождения не имеет, важнее другое: Ираида Гейнике появилась в городе на Неве уже после переворота 1917 года, когда этот город назывался Петроград – здесь важно именно название, ибо оно очерчивает конкретную эпоху.

15 ноября 1918 года состоялось открытие Института живого слова. Первая лекция Николая Гумилева по курсу «Теория поэзии» – 28 ноября. Лекция эта Одоевцевой описана в книге «На берегах Невы».

Февраль 1919 года: Ирина Одоевцева в первый раз принесла Гумилеву свои стихи.

3 августа 1920 года Гумилев представил Одоевцеву на ее первом публичном выступлении на литературном утреннике Дома Литераторов, и с этого времени она стала известна в литературных кругах Петрограда.

Портрет Ирины Одоевцевой
работы В. Милашевского

*Нет, я не буду знаменита.
Меня не увенчает слава.
Я - как на сан архимандрита
На это не имею права.*

*Ни Гумилев, ни злая пресса
Не назовут меня талантом.
Я - маленькая поэтесса
С огромным бантом.*

И. Одоевцева <1918>

ПОНЕДЕЛЬНИКИ ДОМА ИСКУССТВ

В Понедельник, **15-го** Марта 1920 г.,

СОСТОИТСЯ

ВЕЧЕР ПОЭТОВ

УЧАСТВУЮТ:

Андрей Белый, Александр Блок,

Н. Гумилев, М. Кузьмин и др.

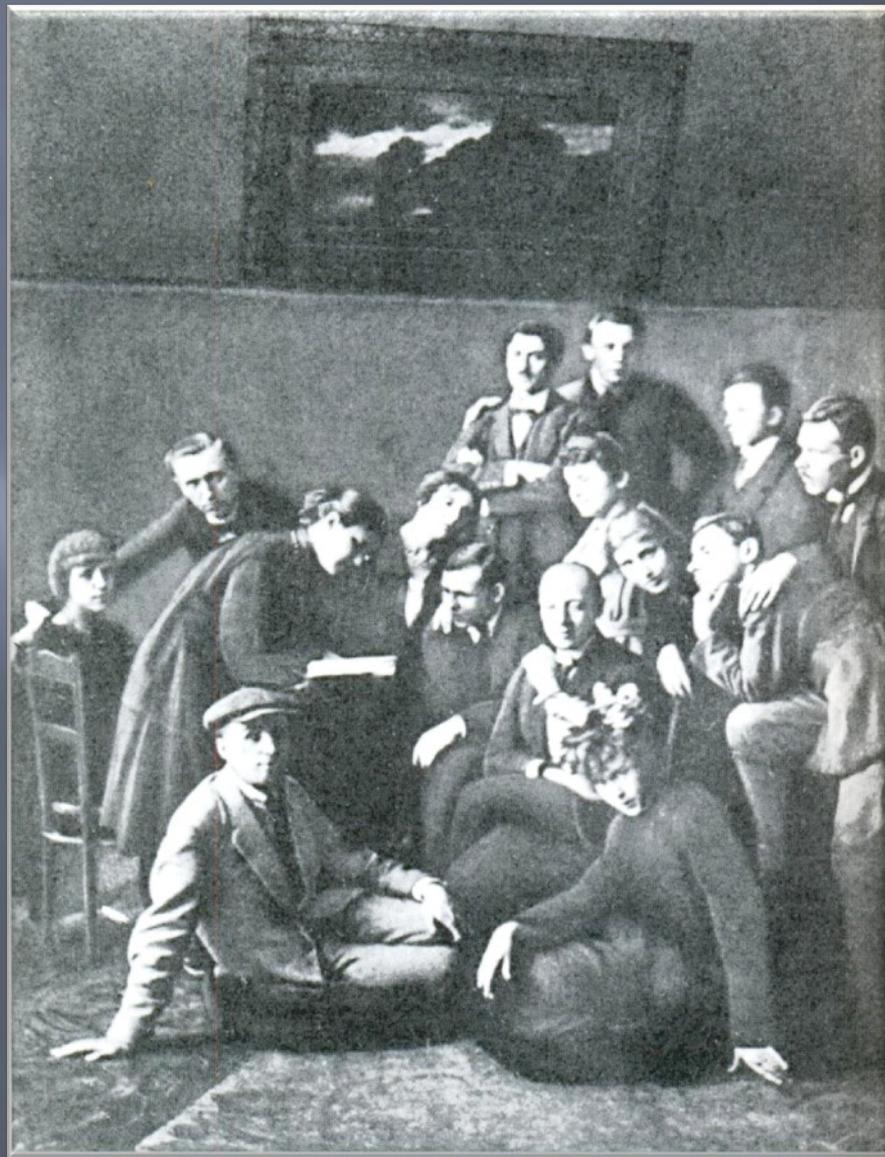
Начало в **7 час. веч.**

БИЛЕТЫ В ДОМЕ ИСКУССТВ-МОЙКА-59

Цена 1 руб. 4 коп.

Телефон 1000

Поэтическая студия «Звучащая раковина». Фото М.С.Наппельбаума. Петроград, июль 1921. Мастерская М.С.Наппельбаума. Слева направо стоят: Д.Горфинкель, А.Столяров, П.Волков, Никаноров; сидят — слева: А.И.Федорова (Вагинова), Т.Рагинский-Корейва, Ф.М.Наппельбаум, И.М.Наппельбаум; рядом сидят: В.Миллер, Н.Сурина, В.Лурье, К.Вагинов. В центре — Н.С.Гумилев. Ниже — гости студии: Г.В.Иванов и И.В.Одоевцева

Николай Гумилев

Н. Гумилеву

*Вьется вихрем вдохновенье
По груди моей и по рукам,
По лицу, по волосам,
По цветущим рифмами строкам:
Я исчезла. Я – стихотворенье,
Посвященное Вам.*

И. Одоевцева <1919>

Весной 1920 года состоялось знакомство Ирины Одоевцевой с одним из членов «цеха» Гумилева, Георгием Ивановым. В следующем году они поженились. Глубокое чувство поэта к жене не могло не отразиться в его стихах, и возможно, именно ему сборник «Сады» обязан своим названием. Одоевцева очень любила петербургские сады, особенно Таврический и Летний, в котором она и Г. Иванов назначали друг другу свидания.

*Не о любви прошу, не о весне пою,
Но только ты одна послушай песнь мою.
И разве мог бы я, о, посуди сама,
Взглянуть на этот снег и не сойти с ума.
Обыкновенный день, обыкновенный сад,
Но почему кругом колокола звонят,
И соловьи поют, и на снегу цветы.
О, почему, ответь, или не знаешь ты?
И разве мог бы я, о посуди сама,
В твои глаза взглянуть и не сойти с ума?
Не говорю "поверь", не говорю "услышь",
Но знаю: ты сейчас на тот же снег глядишь,
И за плечом твоим глядит любовь моя
На этот снежный рай, в котором ты и я.*

Георгий Иванов <1922>

Первый год супружеской жизни Ирина Одоевцева и Георгий Иванов провели в советской России, оба писали стихи, оба тяжело переживали расстрел Гумилева в августе 1921 года, тесно связанного с ними житейскими и творческими отношениями. В 1922 году, выхлопотав командировку в Берлин, Георгий Иванов и Ирина Одоевцева отправились в путешествие за границу, которое превратилось в долгую эмиграцию. Вначале они провели некоторое время у отца Ирины в Риге, затем в Берлине, бывшим некоторое время культурным центром русской эмиграции, откуда переехали на берега Сены, в Париж.

ПАМЯТИ ГУМИЛЕВА

*Мы прочли о смерти его,
Плакали громко другие.
Не сказала я ничего,
И глаза мои были сухие.
А ночью пришел он во сне
Из гроба и мира иного ко мне,
В черном старом своем пиджаке,
С белой книгой в тонкой руке.
И сказал мне: «Плакать не надо,
Хорошо, что не плакали вы.
В синем раю такая прохлада,
И воздух тихий такой,
И деревья шумят надо мной,
Как деревья Летнего сада...»*

И. Одоевцева <1921>

* * *

*В чужой стране,
В чужой семье,
В чужом автомобиле...
При чем тут я?
Ну да, конечно, было, были
И у меня*

*Моя страна,
Мой дом,
Моя семья*

*И собственный мой черный пудель Крак.
Всё это так.
Зато потом,
Когда февральский грянул гром —
Разгром*

*И крах,
И беженское горе, и
Моря — нет — океаны слез...
И роковой вопрос:
Зачем мы не остались дома?
Давно наскучивший рассказ
О нас,
Раздавленных колесами истории.
Не стоит вспоминать о том,
Что было. Было, да прошло
И лопухом забвенья поросло...*

Ирина Одоевцева
Фото середины 1920-х годов

«Более, чем хлеба, им не хватало любви читателя, и они задыхались в вольном воздухе чужих стран» - эти слова Ирины Одоевцевой об эмигрантских писателях в полной мере применимы и к ней самой.

Более тридцати пяти лет длилась совместная жизнь и совместная литературная деятельность Ирины Одоевцевой и Георгия Иванова, скончавшегося в эмиграции во Франции в 1958 году.

Ей было двадцать два, когда на родине произошла революция и когда она стала писать стихи, став любимой ученицей Николая Гумилева. Двадцать семь, когда она с мужем покинула Россию на более чем шестьдесят пять долгих лет эмиграции. Девяносто один год, когда она смогла вернуться на родину, в город юности на берега Невы. Шестьдесят пять лет пролегло между вышедшим в Петрограде ее первым поэтическим сборником «Двор чудес» и книгой литературных мемуаров «На берегах Невы», которая была издана после возвращения Ирины Одоевцевой в Ленинград весной 1987 года по приглашению Союза писателей СССР.

Георгий Иванов
1934 год

* * *

Георгию Иванову

*Летят на юг соловьи
Дорогой певучей и дальней.
Улыбаются губы твои,
Но сердце мое печально.*

*Откуда печаль моя,
Хотя бы лишь на мгновенье?
Ведь мне улыбка твоя —
Как соловьиное пенье.*

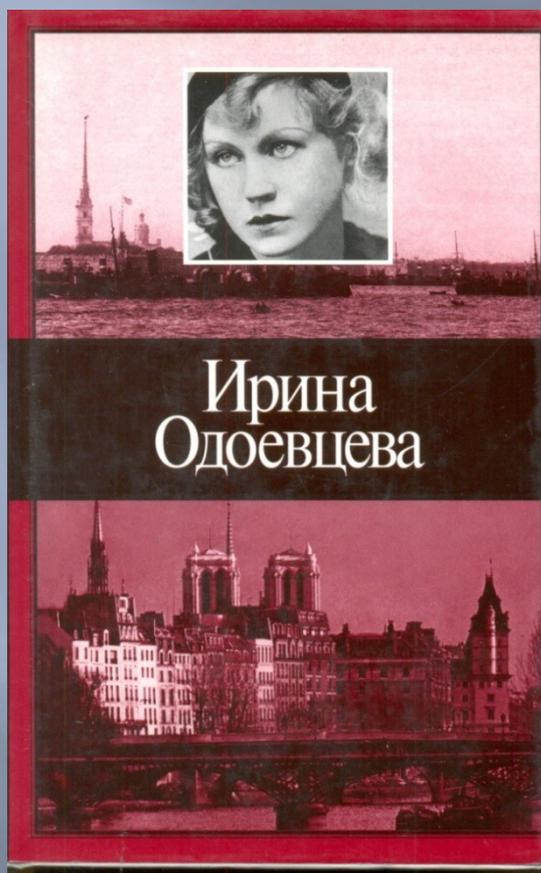
<1922>

Ирина Одоевцева
1930-е годы

*О, память сердца! Ты сильнее
Рассудка памяти печальной
И часто сладостью твоей
Меня в стране пленяешь дальней...*
<Константин Батюшков>

Об Ирине Одоевцевой, о ее стихах в разное время кто только не писал! Писали Блок и Гумилев, Адамович и Эренбург, Троцкий и Чуковский, Ходасевич и Евтушенко, Ахматова и Надежда Мандельштам, Набоков и Цветаева. Знаменитыми фамилиями можно заполнить несколько страниц. Тем не менее славу Одоевцевой принесли все-таки книги воспоминаний. Мемуарные книги поэтессы и писательницы замечательны. Мемуары – художественный, даже поэтический жанр. Нет и не может быть документальной правды человеческих отношений. Чувства не документы. Они субъективны, изменчивы, подвластны множеству настроений. Способность воссоздания чувства в воспоминаниях получило название «память сердца». У Одоевцевой память сердечная и рассудочная – все вместе.

В издании представлены все семь поэтических сборников Ирины Одоевцевой, для многих ее поздние стихи станут настоящим откровением.

Также книга содержит всемирно известные мемуары «На берегах Невы» и «На берегах Сены» без купюр, сделанных цензурой в советское время и заметно искажавших авторский текст.

Одоевцева, Ирина.

Избранное / И. Одоевцева. - Москва : Согласие, 1998. - 959,[12]л.ил. - (Достояние России). - 57.60 р.

Имеются экземпляры в отделах: _ ОХЛ (1)

84Р6-5/0-44-ОХЛ

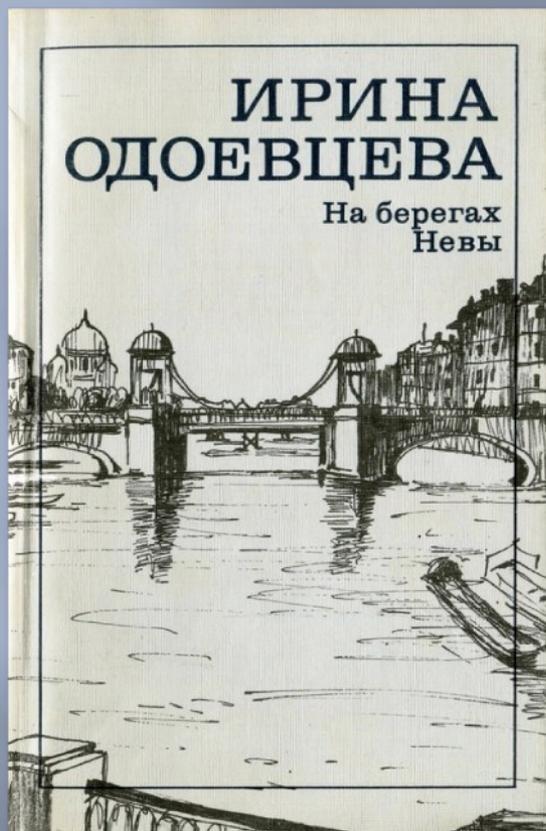
*Каждый дом меня как будто знает.
Окна так приветливо глядят.
Вот тот крайний чуть ли не кивает,
Чуть ли не кричит мне: «Как я рад!*

*Здравствуйте. Что вас давно не видно?
Не ходили вы четыре дня.
А я весь облез, мне так обидно,
Хоть бы вы покрасили меня».*

*Две усталые, худые клячи
Катафалк потрепанный везут.
Кланяюсь. Желаю им удачи.
Да какая уж удача тут!*

*Медленно встает луна большая,
Так по-петербургски голуба,
И спешат прохожие, не зная,
До чего трагична их судьба.*

В потоке литературных свидетельств, помогающих понять расцвет русской культуры в начале XX века, воспоминания Ирины Одоевцевой, несомненно, занимают свое особое место. Книга «На берегах Невы» – писательский долг, отданный неумирающей юности.

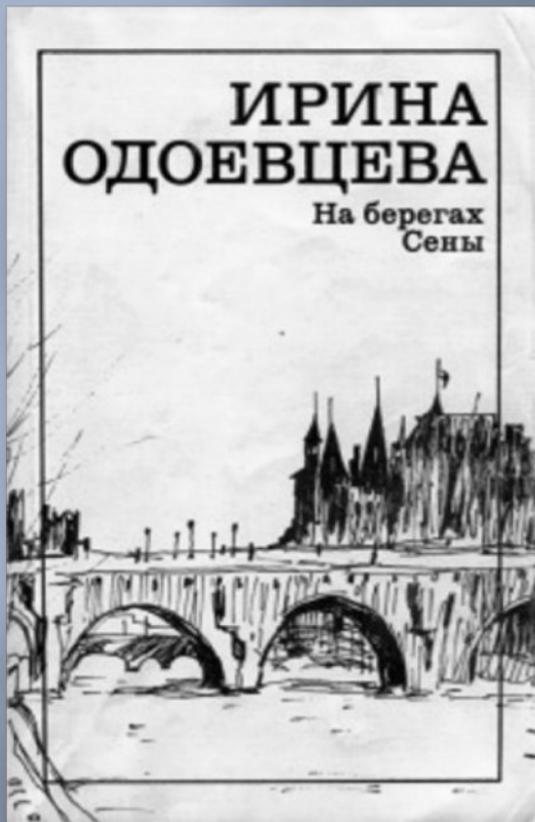
С истинным поэтическим даром Одоевцева рассказывает о том, какую роль в жизни революционного Петрограда занимал «Цех поэтов», дает живые образы своих наставников в поэзии Н. Гумилева, О. Мандельштама, А. Белого и многих других, с кем тесно переплетена была ее судьба.

Одоевцева, Ирина Владимировна.

На берегах Невы : литературные мемуары / И. В. Одоевцева; авт. предисл. К. Кедров ; авт. послесл. А. Сабов. - Москва : Художественная литература, 1988. - 334 с. - ISBN 5-280-00873-7 : 2.00 р.

Имеются экземпляры в отделах: ОХЛ (1)

84Р6-4/0-44-ОХЛ

В книге «На берегах Сены» И. Одоевцева рассказывает о своих встречах с представителями русской литературной и художественной интеллигенции, в основном унесенной волной эмиграции в годы гражданской войны в Европу: И. Бунина, И. Северянина, К. Бальмонта, З. Гиппиус и Д. Мережковского и менее известные Ю. Терапиано, Я. Горбова, Б. Поплавского. Интересны рассказы о жизни и быте «русских за границей», эпизоды встреч в Берлине и Париже с приезжавшими туда В. Маяковским, С. Есениным, И. Эренбургом, К. Симоновым.

Одоевцева, Ирина Владимировна.

На берегах Сены : литературные мемуары / И. В. Одоевцева. -
Москва: Художественная литература, 1989. - 332, [1] с. - ISBN 5-280-01310-2
: 2.00 р.

Имеются экземпляры в отделах: ОХЛ (1)

84Р6-4/0-44-ОХЛ

*«Ветер подует, сломает или унесет.
Взмахнете бантом, как крылом, - и
только вас и видели...»*

Такое будущее напророчил однажды Николай Гумилев лучшей ученице своей поэтической студии Ирине Одоевцевой. Но не мог знать Гумилев, что отчасти он оказался прав: ветер «подул» и «унес» его ученицу с берегов Невы на берега Сены, и уж вовсе никто не мог предвидеть, что тот же ветер – тот же или другой – вернет ее с берегов Сены на берега Невы!

*Ненароком,
Скоком-боком
По прямой и по кривой
Время катится назад
В Петербург и в Летний сад.
Стало прошлое так близко,
Тут оно - подать рукой -
И проходят предо мной
Друг за другом, чередой,
«Я» помянутые ниже:
«Я - подросток», «Я - студистка»
С бантом, в шубке меховой,
«Я - невеста», «Я - жена»
(Это, впрочем, уж в Париже)
И печальна, и грустна,
До прозрачности бледна,
Молча в чёрное одета,
Вот проходит «Я - вдова
Знаменитого поэта»...
Только было ли всё это?
Или это лишь слова?
Лишь игра теней и света?
Хоть бесспорно жизнь прошла,
Песня до конца допета,
Я всё та же, что была,
И во сне, и наяву
С восхищением живу.*

Август 1988 года. Переделкино.

«-Вы знаете, мне кажется, я никогда не умру! Я просто буду жить, и жить, и жить. Столько новых людей вокруг, так все интересно!...»

Ирина Одоевцева умерла 14 октября 1990 года в Ленинграде. Меньше чем через год городу вернули его имя: Санкт-Петербург. Она была бы счастлива узнать об этом. Но она и без того была счастлива – несмотря ни на какое выпадавшее ей в жизни отчаяние.

«Пора, казалось бы, и мне ожесточиться...» – писала она в стихах. Но не ожесточилась. Вся Одоевцева – широко распахнутые глаза. Вечное удивление, вечное очарование. Ее книги – доказательство того, что она обладала уникальным даром: она умела делиться своим счастьем.

* * *

*И все-таки наперекор всему —
Сама не понимая почему, —
Наперекор безжалостной судьбе
И одиночеству,
По-прежнему во сне и наяву
Я с наслаждением живу.*

<1962>

Ирина Одоевцева

